

Е.А.Иванов, Л.М.Исаев, А.В.Коротаев, А.Р.Шишкина
МИГРАЦИОННОЕ ЭХО
СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА
В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ
НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Евгений Александрович Иванов — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. Для связи с автором: eivanov@hse.ru.

Леонид Маркович Исаев — зам. заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: lisaev@hse.ru.

Андрей Витальевич Коротаев — заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Для связи с автором: akorotaev@hse.ru.

Алиса Романовна Шишкина — научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: ashishkina@hse.ru.

Аннотация. Хотя из всех внешних акторов, участвующих в сирийском конфликте, Россия наименее активно задействована в решении проблемы беженцев, эхо порожденного этим конфликтом миграционного кризиса затронуло и ее. Одним из его следствий стало возвращение во внутривосточную повестку страны черкесского вопроса, прежде всего на региональном уровне.

С началом гражданской войны в Сирии в РФ стали прибывать черкесы — потомки адыгов, насильственно выселенных в Османскую империю в XIX в. Большинство из них обосновалось на Северном Кавказе — в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Однако в ходе своего

обустройства на новом месте они столкнулись с целым рядом проблем. В наиболее сложном положении оказались сирийские черкесы в Карачаево-Черкесии, руководство которой, опасаясь изменения этнического баланса в республике и отражая умонастроения карачаевского большинства, не поощряет притока черкесских мигрантов. В результате, если в Адыгее и Кабардино-Балкарии репатрианты из Сирии получают поддержку со стороны республиканских властей, то в Карачаево-Черкесии они могут рассчитывать только на меценатов и черкесское сообщество.

Статья посвящена анализу ключевых факторов, препятствующих репатриации черкесов в Карачаево-Черкесию и затрудняющих их адаптацию к жизни в ней. Эмпирическую базу исследования составляют опросы жителей четырех черкесских аулов со значительным присутствием репатриантов, а также серия интервью с обосновавшимися в республике мигрантами из Сирии.

Ключевые слова: сирийский конфликт, миграция, беженцы, сирийские черкесы, Карачаево-Черкесия

**Ближневосточный
миграционный
кризис
и Россия**

Гражданское противостояние в Сирии с самого начала привлекало пристальное внимание со стороны России. Последовательно выступая в поддержку правительства Башара ал-Асада, оказывая ему дипломатическую, а в последние несколько лет и военную помощь и при этом претендуя на роль главного посредника в конфликте, российские власти вместе с тем не спешат брать на себя ответственность за судьбу сирийских беженцев. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, к июлю 2018 г. общее число покинувших Сирию превысило 5,6 млн человек. Большая часть из них обосновалась в Турции (3,5 млн), далее следуют Ливан (976 тыс.), Иордания (666 тыс.), Ирак (251 тыс.) и Египет (33 тыс.). В Россию же перебралось лишь около 7 тыс. сирийцев¹, большинство из которых не обладает статусом беженца или лица, получившего временное убежище². Почти треть оказавшихся в России сирийцев проживают на территории Северного Кавказа и именуют себя репатриантами, ссылаясь на свои этнические корни.

По классификации Министерства иностранных дел РФ, Сирия относится к числу миграционно опасных стран 2-й категории. Это означает, что, хотя ее гражданам не запрещен въезд на территорию России, оформление разрешительных документов на временное пребывание в ней для них максимально затруднено.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена нежеланием российских властей пускать в страну жителей беспокойного Ближнего Востока. Учитывая масштабы потока беженцев, очевидно, что среди них есть люди самых разных политических взглядов, включая противников Асада, которые в глазах российского руководства являются и противниками России (или, во всяком случае, не воспринимают ее как спасительницу и главного борца с террористической угрозой на Ближнем

¹ UNHCR 2018.

² Ганнушкина и Троицкий 2017.

³ По разным источникам, в рядах запрещенного в России Исламского государства воюют от 500 до нескольких тысяч выходцев с Северного Кавказа.

⁴ Нефляшева 2012.

⁵ По заключению Института этнологии и антропологии РАН, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов следует рассматривать в качестве субэтносов единого адыгского (черкесского) народа (Заключение 2010).

⁶ Гринин, Исаев и Кортаев 2016.

⁷ Всего было опрошено 129 человек: 72 в Хабезе, 26 в Бавуко, 17 в Зеюко и 14 в Жако.

Востоке). Немалую роль играют и опасения, что в числе мигрантов могут оказаться радикально настроенные элементы, тем более что значительная их часть выбирает для проживания Кавказский регион, где данная проблема и так стоит довольно остро³. Указанные соображения действуют и в отношении сирийских черкесов, при том что, по оценке специалистов, «в нынешнем сирийском конфликте черкесы в целом занимают нейтральную позицию, открыто не поддерживая ни повстанцев, ни правительственные войска»⁴, и нет никаких данных, которые бы подтверждали их связь с террористическими движениями.

Черкесская диаспора неоднократно ставила вопрос о создании условий для возвращения черкесов из Турции, Сирии, Иордании и других стран в регионы российского Северного Кавказа и Причерноморья, однако отклика у российских властей эта идея не встретила. Более того, когда в 2006 г. в России была запущена Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, несмотря на многочисленные обращения граждан и общественных организаций, в нее не были включены территории с высокой долей адыгского (черкесского) метаэтноса⁵. Из регионов Северного Кавказа возможность принимать соотечественников из-за рубежа получил только Ставропольский край. Согласно статистике МВД, по доле принятых иммигрантов Северо-Кавказский ФО уступает всем другим федеральным округам.

После начала гражданской войны в Сирии, когда жители стали покидать арабскую республику⁶, части сирийских черкесов — потомков адыгов-мухаджиров, насильственно выселенных в Османскую империю в XIX в., — все же удалось вернуться на историческую родину, земли которой вошли в состав современных Адыгеи, Кабардино-Балкарии (КБР), Карачаево-Черкесии (КЧР) и Краснодарского края. Однако по приезде в Россию они столкнулись с серьезными адаптационными трудностями. В наибольшей мере это касается КЧР, что сказалось и на числе репатриантов. Если КБР и Адыгея суммарно приняли около 2 тыс. сирийских черкесов, то КЧР — не более 40.

Настоящая статья посвящена анализу ключевых факторов, препятствующих репатриации черкесов в КЧР и затрудняющих их адаптацию к жизни в республике. Эмпирическую базу исследования составили опросы жителей четырех черкесских аулов со значительным присутствием репатриантов — Хабеза, Бавуко, Зеюко и Жако⁷, — а также серия интервью с обосновавшимися в КЧР мигрантами из Сирии.

Предыстория

Проблема черкесских репатриантов уже не раз попадала в поле зрения исследователей. Среди прочих здесь можно отметить работу Сетенеи Шами о первых репатриантах, вернувшихся на Северный Кавказ сразу после распада СССР, где, в частности, анализируются нарративы возвращения на родину, а также трансформация образа родины при переходе от абстрактного идеала к реальной жизни и его влияние на

⁸ *Shami 1998.* конструирование черкесской этничности⁸. Тема возвращения ближневосточных черкесов на Кавказ затрагивается также в статьях Тьяго Лопеса, который связывает сложности, встающие на пути репатриантов, с чередой черкесских выступлений накануне Олимпиады в Сочи⁹.

⁹ *Lopes 2013.*

Заслуживают упоминания и академические труды по миграционному аспекту сирийского конфликта, в том числе миграционным стратегиям различных этноконфессиональных групп. Общий анализ политической стороны миграционного кризиса представлен в статьях Девеша Капура и Франсуа Хейсбурга¹⁰. В свою очередь, Эмир Акбулат фокусируется непосредственно на ситуации с черкесскими беженцами, обращая внимание на существенные различия в политике Турции и России по отношению к ним¹¹. По его оценке, за попыткой России сдержать поток репатриантов лежит стремление сохранить этноконфессиональную и демографическую структуру как в Сирии, так и в своих северокавказских регионах. Кроме того, на позицию российских властей могли повлиять опасения, что репатриация станет драйвером для раскручивания черкесской темы в канун Олимпиады 2014 г., тем более что проведение последней совпало по времени со 150-летием черкесского мухаджирства¹², а территория вокруг Сочи относится к исконным землям адыгов.

¹⁰ *Kapur 2014; Heisbourg 2015.*

¹¹ *Akbulat 2017.*

¹² *Данным термином принято обозначать переселение мусульманского населения с территорий, завоеванных Российской империей, в мусульманские страны.*

¹³ *См. Кушхабиев 2012, 2013, 2015.*

К сожалению, в российском академическом и экспертном сообществе эта тема вызывает довольно слабый интерес и разрабатывается главным образом авторами, так или иначе связанными с адыгским народом и его культурой¹³.

Острота черкесского вопроса в современной России явно недооценена. Распад СССР и ослабление федеральной власти в 1990-е годы активизировали множество национальных движений, особенно на Северном Кавказе. В тот период адыгам удалось добиться определенных успехов по повышению статуса национальных территорий, осуждению геноцида, установлению дней памяти и укреплению связей с диаспорой. Руководство КБР и Адыгеи предприняло ряд попыток поставить вопрос о признании геноцида черкесов на рассмотрение Государственной Думы. Публично осудил политику царского режима в отношении этого народа президент Борис Ельцин, хотя конкретных мер не последовало.

¹⁴ *Захаров 2008.*

Успех Ичкерии воодушевил многих радикальных националистов. Однако после первой чеченской войны Москва стала жестче реагировать на проявления национализма на местах, и с приходом к власти Владимира Путина этот тренд усилился. «Федерализм децентрализации» ельцинского периода ушел в прошлое, уступив место «федерализму централизации»¹⁴.

Тем не менее черкесский национализм остается заметной силой. К адыгскому (черкесскому) метаэтносу принадлежит свыше 700 тыс. человек в шести регионах Юга России (см. *табл. 1*), включая четыре национальные республики (в трех — Адыгее, КБР и КЧР — черкесские этносы являются титульными), и многомиллионная диаспора за рубежом. В Северо-Кавказском ФО адыги уступают по численности лишь русским, вайнахам и аварцам. Кроме того, черкесы имеют прочные

социокультурные связи с абазинами и абхазами (которые иногда даже рассматриваются как часть адыгского метаязыка).

Таблица 1 Численность адыгов на территории России (1897–2010 гг.)

	1897	1926	1959	1979	1989	2002	2010
Черкесы	43332	65105	28986	44572	50764	60517	73184
Кабардинцы	98538	139871	200634	318822	386055	519958	516826
Адыгейцы	—	—	78561	107239	122908	128528	124835
Шапсуги	—	—	—	—	—	3231	3882

Изгнание адыгов с территорий Северо-Западного Кавказа легло в основу мифологии, вокруг которой сплачивается адыгское сообщество и произрастает черкесский национализм. По заключению Шами, образ исторической родины продолжает играть важную роль в конструировании «себя» для этнических черкесов диаспоры¹⁵.

¹⁵ *Shami 1998.*

Стоит отметить, что обсуждение черкесской проблемы в диаспоре ведется в терминах неоимперскости и неокOLONиализма, что во многом соотносится с реалиями российской политики последних 10 с небольшим лет (мюнхенская речь Путина, пятидневная война с Грузией, аннексия Крыма и др.). В целом черкесские активисты выступают одной из ведущих сил в пространстве антиколониального дискурса на территории бывшего СССР, что также заставляет российские власти с настойчивостью относиться к идее массовой репатриации черкесов.

По сути, черкесский вопрос сводится к трем принципиальным задачам, которые ставит перед собой адыгское сообщество. Первая — признание геноцида¹⁶, вторая — воссоединение адыгских земель, третья — репатриация потомков вынужденных переселенцев на историческую родину¹⁷.

¹⁶ Среди членов ООН геноцид черкесов в настоящее время признает только Грузия.

¹⁷ *Zhemukhov 2012: 505.*

¹⁸ См. *Balanovsky et al. 2011.*

¹⁹ *Хотко 2015: 8.*

Чтобы понять природу данного вопроса, необходимо обратиться к истории адыгов. Колыбелью адыгов на Северном Кавказе было Причерноморье (что подтверждают в том числе и недавние исследования в области генетики и лингвистики¹⁸). История народа насчитывает около 3 тыс. лет. Современные черкесы происходят от этнических групп, известных как зихи, меоты, касоги. В черкесской хронологии к Новому времени принято относить период XVI–XIX вв., завершившийся с выселением черкесов в Османскую империю¹⁹.

Прообраз современной этнополитической карты региона складывается начиная с XIV–XV вв. Прежде всего это касается заселения Северо-Западного Кавказа адыгами. Расцвету адыгского могущества предшествовали катастрофические для кавказских народов события: нашествие монгольских орд и армии Тамерлана, а также эпидемия бубонной чумы практически опустошили кавказские предгорья, большая

часть которых принадлежала некогда сильной Алании, павшей под напором кочевников.

В XV в. на фоне кризиса ордынского господства адыги включились в борьбу за контроль над равнинами. В этот период произошло переселение части адыгов, ныне известных как кабардинцы, в район Пятигорья. Быстрому продвижению адыгов на восток способствовало наличие собственной конницы. В результате им удалось взять под контроль значительные территории Западного Кавказа (в Восточном Кавказе их экспансия была остановлена калмыками, кумыками и ногайцами, также обладавшими кавалерией).

С XVIII в. Российская империя, чьи стратегические интересы требовали освоения путей в Закавказье и выхода к незамерзающим портам Причерноморья, начала продвижение к адыгским территориям. Тогда же под давлением северного соседа большая группа кабардинцев переселилась в междуречье Большого и Малого Зеленчука, где, смешавшись с бесленеевцами и абадзехами, дала начало современным черкесам КЧР.

В 1763 г., заложив крепость Моздок, Россия обозначила свои претензии на Северный Кавказ и концу века перешла к масштабным военным действиям. Боевые стычки с адыгами приобрели регулярный характер. К тому моменту Крымское ханство было разгромлено, а Османская империя терпела тяжелые поражения от русских войск. Империя получила плацдарм для ведения войны на Кавказе (в том числе с целью положить конец работорговле²⁰), а адыги были оттеснены в горные районы.

²⁰ См. *Kurtynova-D'Herlugnan 2010.*

Крымская война дала адыгам небольшую передышку, оттянув на себя военные ресурсы Российской империи. Но, несмотря на неудачный исход кампании, России удалось сохранить за собой Восточное Причерноморье, и вскоре наступление на кавказском направлении возобновилось. После пленения в 1859 г. имама Шамиля, инициатива полностью перешла в руки имперских войск.

Созданный летом 1861 г. Совет горских общин обратился к Александру II с просьбой принять адыгов в российское подданство при сохранении за ними исконных земель, но получил отказ. Видя в черкесах потенциальный источник смуты, царская администрация приняла решение о полной зачистке соответствующих территорий с последующим заселением их более лояльными народами — казаками, армянами, греками, украинцами, немцами и др. Адыгам было предложено либо переселиться на Кубань, либо покинуть пределы Российской империи. Часть адыгов (примерно 60 тыс. человек) предпочла покориться, однако большинство выбрало сопротивление, неудача которого не оставила им иного выхода, кроме бегства в Порту.

Переселение адыгов в Османскую империю стало набирать обороты еще с 1858 г. Первоначально оно происходило под видом паломничества к святым местам, контролируемым на тот момент турками, но затем приобрело характер депортации, породив крупнейший миграционный кризис своего времени. Отечественные исследователи оценивают общее число переселенцев, включая погибших во время исхода,

²¹ Бэрээдж 1996;
Гугов, Касумов
и Шаббаев (сост.)
2000: 143, 165;
Кумиков (ред.)
2001: 295, 347.

²² Fisher 1987:
357—371;
Rosser-Owen
2007.

²³ Karpat 1985,
1990.

в 800 тыс. человек, что составляло около 90% западных адыгов. После депортации на исконных землях осталось порядка 50 тыс. черкесов²¹. Сходные цифры называют и западные специалисты²², хотя встречаются и оценки, чуть ли не вдвое превышающие конвенциональные. Так, Кемаль Карпат полагает, что в Османскую империю могло переселиться до 1,5 млн черкесов²³.

При том что Османская империя не была готова к столь массовому наплыву беженцев, султан Абдул-Хамид II в целом не возражал против притока черкесских переселенцев, рассчитывая использовать их для освоения окраин и охраны пограничных владений. Беженцы расселились по разным концам империи — от Балкан до Сирии. В результате черкесская диаспора оказалась разбросана по всему Ближнему Востоку, что повлияло на формирование черкесских общин и осложнило перспективы воссоединения.

Этнополитический аспект

В начале 1990-х годов, в период становления федеративной структуры новой России, существовавшая в советские времена Карачаево-Черкесская автономная область (с 1990 г. — Карачаево-Черкесская Советская Социалистическая Республика, КЧССР) могла разделиться как минимум на три субъекта Федерации: Карачаевскую, Черкесскую и Казачью республики. Большой автономии добивались и абазины с ногайцами, которые ввиду малочисленности и отсутствия серьезного политического веса не могли претендовать на подобный статус. Первыми о своем стремлении создать самостоятельную республику заявили карачаевцы, следом казачий съезд высказался за выделение из КЧССР Баталпашинской республики. Позднее с аналогичными требованиями выступили черкесы и казаки Урупского и Зеленчукского районов, а также абазины.

На состоявшемся в марте 1992 г. референдуме большинство населения Карачаево-Черкесии проголосовало за сохранение единства республики. Тем не менее призывы к ее разделению продолжали звучать. Так, в 1995 г. объединенный съезд черкесов, абазин и части казачества принял решение о восстановлении Черкесской автономной области в составе Ставропольского края, однако оно не было утверждено федеральной властью, опасавшейся усиления центробежных тенденций, чреватых распадом страны. Конституция КЧР наделила статусом государственных (на уровне республики) абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский языки, тем самым закрепив за этими этническими группами субъектообразующую роль.

Практика показала, что установленные в КЧР формальные институциональные рамки не в состоянии обеспечить стабильность в полиэтничном образовании. Несовершенство политической системы республики отчетливо проявилось, в частности, в 1999 г., во время выборов главы КЧР, когда одним из вышедших во второй тур кандидатов оказался мэр Черкесска этнический черкес Станислав Дерев, а другим —

карачаевский националист генерал Владимир Семенов. В итоге борьба за главный республиканский пост обернулась межэтническим противостоянием: сторонники Деревы мобилизовали черкесов и абазин, команда Семенова апеллировала к карачаевцам. Победу одержал Семенов, после чего черкесские активисты объявили бессрочный митинг протеста, который удалось прекратить только после вмешательства Москвы и назначения на пост временного главы республики председателя парламента КЧР Игоря Иванова.

Спустя два месяца конфликт разгорелся с новой силой. На этот раз на многотысячные акции протеста вышли уже карачаевцы, поддерживавшие Семенова. Дело о выборах было передано на рассмотрение Верховного суда КЧР, признавшего действительными официальные результаты второго тура. В ответ черкесское население вновь потребовало выделения Черкесии в отдельное территориальное образование, но не встретило поддержки со стороны федерального центра, не желавшего создавать прецеденты победы регионального национализма.

Политический кризис 1999 г. наглядно продемонстрировал необходимость создания в КЧР механизмов поддержания этнополитического равновесия. В результате негласных договоренностей между лидерами этнических движений в республике была введена модель национального квотирования по образцу Дагестана. Согласно межэтничному пакту за карачаевцами был закреплен пост главы республики, за черкесами — кресло председателя республиканского правительства, а место спикера республиканского парламента отошло к русским. Сходным образом между этническими группами распределялись места в правительстве и парламенте, а также ключевые позиции в республиканских органах власти.

Последующие выборы и назначения глав Карачаево-Черкесии проходили без этнической мобилизации, а попытки сломать модель квотирования, как это было в период президентства Бориса Эбзеева, приводили к параличу политической системы. Поставленный на пост президента КЧР Москвой судья Конституционного суда РФ Эбзеев, стремясь дистанцироваться от местных кланов и исключить из политики этнический компонент, назначил премьер-министром республики этнического грека, что сразу же вызвало волну недовольства в среде черкесских элит. Тогда им удалось вернуть себе кресло премьера, а Эбзеев досрочно сложил президентские полномочия.

Однако тот успех можно назвать ситуативным, поскольку с начала 2000-х годов черкесы теряют политический вес в республике. Рычаги политического управления медленно, но верно переходят в руки представителей карачаевского этноса, тем более что в демографическом плане его доля среди жителей КЧР неуклонно растет.

Вместе с тем за черкесской стороной остается солидная часть бизнес-активов. Из КЧР происходят такие влиятельные черкесские кланы, как Хапсироковы, Арашуковы, Деревы и др. При этом черкесские организации получают помощь как от местных меценатов, так и от диаспоры. В целом черкесы способны — и готовы — оказывать финансовую

помощь репатриантам, и ключевые препоны на этом пути носят не столько экономический, сколько политико-административный характер. Хотя черкесские кланы влияли и влияют на карачаевских глав республики, в вопросах содействия репатриации их политический ресурс крайне ограничен.

Среди самих черкесов существует мнение, что наличие территориально-политической автономии позволило бы им вкладывать больше ресурсов в поддержание и развитие собственной культуры и традиций, а также обеспечить условия для приема и адаптации репатриантов. Не сумев добиться повышения своего политического статуса (путем создания самостоятельной Черкесской республики или хотя бы автономной области), черкесы фактически утратили возможность влиять на ситуацию с сирийскими беженцами на законодательном и административном уровне. Показательно, что, в отличие от Адыгеи и КБР, где право на репатриацию соотечественников гарантировано республиканскими конституциями, в нормативно-правовых актах КЧР подобные положения отсутствуют.

**Региональная
специфика
и трудности
адаптации**

Отход от негласной системы этнического квотирования вкупе со сложными демографическими процессами привели к тому, что за последние годы в КЧР выросло представительство карачаевцев на ключевых позициях в органах власти. При таком раскладе принятие решений о содействии беженцам во многом зависит от карачаевских элит, для которых открытие канала массовой иммиграции черкесов в КЧР означает расшатывание этнического баланса, складывающегося в пользу карачаевцев.

Опросы сирийцев-репатриантов в КЧР показали, что почти все они уехали из Сирии после начала вооруженного конфликта — кто-то был напуган военными действиями и появлением боевиков в местах своего проживания, кто-то принял решение о переезде заблаговременно, чтобы избежать опасности для себя и своей семьи. Важную роль в принятии решения об эмиграции сыграли также экономические и социальные проблемы, порожденные кризисом: потеря работы, закрытие бюджетных учреждений, нарушение функционирования социальных служб, стремительный рост цен и т.д.

Одним из определяющих мотивов переезда в Россию было наличие родственных связей на российском Кавказе:

«Сначала я приехал в Нальчик. Мне там не очень понравилось, я переехал сюда. Здесь у меня есть родственные связи, люди с такой же фамилией живут. Мне помогли люди из „Адыге Хасэ“ и Мурад — он владеет арабским языком и живет рядом. От властей я ничего не получил» (мужчина, 41 год, Эрсакон).

На ключевую роль больших черкесских семей (линиджи) в привлечении репатриантов в Россию и содействии их размещению и адаптации на исторической родине указывают и исследования Шами²⁴.

²⁴ Shami 1998: 628.

Наличие связей в России (в том числе с людьми, переселившимися из Сирии в более раннее время — до «арабской весны» либо в самом ее начале) помогает репатриантам и в оформлении документов. Все находящиеся на территории РФ сирийцы (за исключением единиц, получивших статус беженцев) имеют либо гражданство, либо вид на жительство, либо разрешение на временное проживание. Последние два варианта не исключают возможности получения гражданства, однако процедура в этом случае растягивается, занимая до 5 лет. Между тем проблемы с документами носят системный характер и влекут за собой большое количество смежных проблем, связанных с трудоустройством, доступом к образованию и здравоохранению и т.д.

О сложностях, возникающих при оформлении документов, говорили многие респонденты:

«Мы с трудом переехали в годы войны... Были проблемы касательно документов... Это отнимало время» (женщина, 47 лет, Хабез);

«Документы — большая проблема для нас... Я хочу остаться здесь, если я получу документ и найду работу, я бы хотел остаться. Но если у меня нет документов, нет работы, может, я проживу два, три, четыре месяца, но потом я буду вынужден уехать... Сейчас черкесская ассоциация продолжает помогать с медицинскими осмотрами, которые нужно пройти для получения документов, но именно в сфере документов они ничего не могут сделать, они пытаются, но не могут, законы не позволяют» (мужчина, 55 лет, Хабез).

Серьезным препятствием на пути полноценной адаптации репатриантов является языковой барьер:

«Я знаю кавказский язык, язык местных. Нет проблем в общении с людьми, посещения любых мест, ведь мы общаемся на языке этой области. Проблема в русском языке, я хочу выучить русский, но не могу найти никого, кто учит этому, я не могу найти курсы, заинтересованных в этом людей среди сирийцев. Русский язык — основной для коммуникации со всеми, все говорят по-русски» (женщина, 45 лет, Хабез).

Наиболее остро данная проблема стоит перед репатриантами старшего поколения, в силу возраста и необходимости значительных временных затрат на освоение русского языка не видящих особого смысла в его изучении. Младшие поколения, ориентирующиеся на жизнь и карьеру именно в России и, соответственно, более мотивированные интегрироваться в принимающее сообщество, справляются с ней легче:

«Я приехала сюда шесть лет назад, прожив в Сирии 13 лет. Я выучила арабский, турецкий и английский языки. Также я изучаю русский язык; хотя он пока несовершенно, я в целом могу говорить на нем. У меня здесь есть несколько друзей, я узнаю язык и культуру. Конечно, между мной и другими людьми есть различия, но я привыкла к этому» (женщина, 19 лет, Хабез);

«Что касается моей дочери (у меня две дочери), она учит русский язык очень быстро, слава Богу, до такой степени, что им не

верили те, кто в школе, или те, кто видят моих дочерей, что они из Сирии... Они овладели в совершенстве русским, даже лучше, чем родным языком, и у них все хорошо с русским» (женщина, 45 лет, Хабез).

²⁵ Баранов 2013: 29.

Важно отметить, что среди репатриантов из Сирии многие имеют высшее образование и претендуют на квалифицированную — и высокооплачиваемую — работу, однако такого количества подходящих вакансий в КЧР нет²⁵. Другая проблема, с которой сталкивается эта категория репатриантов, — невозможность подтвердить полученное образование: часть из них оставила свои дипломы и сертификаты в Сирии и не могут предоставить необходимые для трудоустройства бумаги.

Особо следует упомянуть проблемы с жильем: мало кому из переселенцев удалось продать свои дома в Сирии (которые были разрушены в ходе боевых действий либо потеряли рыночную стоимость), и приобрести его им просто не на что. В КЧР эта проблема стоит острее, чем в КБР и Адыгее, где репатриантам выделяются участки земли, оказывается помощь в строительстве домов, создаются временные центры размещения.

²⁶ Там же: 28.

Возможно, одна из причин названных проблем кроется в расхождении в их оценке региональными и федеральными властями. Это характерно не только для КЧР, но и для других северокавказских республик. Так, бывший глава Адыгеи Аслан Тхакушинов утверждал, что обеспечение репатриантов работой и жильем — сфера ответственности Москвы, а не руководства республики²⁶. Власти кавказских республик видят свою задачу скорее в том, чтобы оказывать репатриантам идеологическую поддержку и содействовать их адаптации.

В частности, в 2012 г. были созданы адаптационные центры, призванные предоставлять репатриантам правовую помощь, помогать им в трудоустройстве и обеспечивать возможность бесплатного изучения русского языка. Однако, по свидетельству опрошенных нами мигрантов из Сирии, никакой реальной помощи со стороны этих центров они не получили, и ключевую роль в их переселении и обустройстве на новом месте сыграли общественные организации и отдельные граждане. Впрочем, данный тренд наблюдается и в других странах, где черкесы составляют весомое меньшинство.

В случае же с Карачаево-Черкесией ситуация осложняется тем, что республиканский истеблишмент испытывает растущее давление «снизу», со стороны карачаевского большинства, которое выступает против поддержки черкесских репатриантов за счет регионального бюджета, тем более что экономическое положение республики оставляет желать лучшего.

В свою очередь местные черкесы, несмотря на угрозу увеличения нагрузки на социально-экономическую сферу, склонны поддерживать сирийских переселенцев. Так, в ходе проведенного нами полевого исследования о негативном отношении к их присутствию в КЧР заявили лишь девять респондентов, то есть меньше 7% опрошенных.

Судя по результатам опроса, местные черкесы хорошо понимают, какие проблемы встают перед репатриантами, и их ответы на

соответствующий вопрос во многом коррелируют с ответами самих респондентов. Среди таких проблем жители обследованных аулов чаще всего упоминали сложности с оформлением документов, далее (с небольшим отрывом друг от друга) следовали нехватка денег на удовлетворение основных нужд, трудности с трудоустройством и жильем. Об отсутствии возможности реализовать себя и проблемах с прикреплением к госучреждениям говорилось гораздо реже (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов местных жителей на вопрос о проблемах, которые встают перед переселенцами²⁷

²⁷ Здесь и далее респондентам разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

<i>Проблема</i>	<i>Доля выбравших данный вариант ответа (в %)</i>
Оформление документов	57
Нехватка денег на удовлетворение основных нужд	42
Трудоустройство	41
Трудности с жильем	38
Отсутствие возможности реализовать себя	27
Прикрепление к госучреждениям	19

В качестве причины трудностей, с которыми сталкиваются респонденты, половина опрошенных назвала отсутствие поддержки властей. Следующими по популярности ответами были «тяжелое положение в республике» и «плохой уровень владения русским языком». Крайне редко респонденты объясняли эти трудности неприятием со стороны местных жителей и нежеланием переселенцев работать. И совсем уж редкими оказались ссылки на культурные отличия от местного населения (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов местных жителей на вопрос о причинах трудностей, с которыми сталкиваются переселенцы

<i>Причина</i>	<i>Доля выбравших данный вариант ответа (в %)</i>
Отсутствие поддержки властей	50
Тяжелое положение в республике	38
Плохой уровень владения русским языком	29
Неприятие со стороны местных жителей	13
Нежелание переселенцев работать	7
Культурные отличия	5

Примечательно, что даже среди респондентов, негативно оценивающих присутствие в КЧР переселенцев из Сирии, подавляющее большинство (восемь из девяти) не находит в них значимых культурных отличий от местного населения. Иными словами, жители черкесских аулов республики действительно склонны рассматривать сирийских черкесов как «своих».

Вместе с тем большинство респондентов полагает, что проблемами переселенцев должны заниматься в первую очередь федеральные власти. На втором месте идут власти республики, на третьем — местные власти. Лишь менее трети опрошенных сочли, что решение этих проблем должны взять на себя местные жители. Наименее же популярной оказалась точка зрения, что проблемы переселенцев — дело самих переселенцев (см. табл. 4).

Таблица 4 Распределение ответов местных жителей на вопрос, кто должен в первую очередь заниматься проблемами переселенцев

<i>Инстанция (группа)</i>	<i>Доля выбравших данный вариант ответа (в %)</i>
Государство (федералы)	68
Власти республики	49
Местные власти	44
Местные жители	30
Общественные организации	20
Сами переселенцы	16

Таким образом, хотя подавляющее большинство опрошенных согласно, что репатрианты нуждаются в помощи и оставлять их один на один с их проблемами нельзя, ответственность за эту помощь они склонны возлагать на внешние инстанции, причем чем выше инстанция, тем более подходящей для решения этих задач она выглядит в их глазах.

При всем том 84% респондентов выразили готовность лично подержать сирийских переселенцев. Особенно впечатляет, что даже среди недовольных их присутствием на территории КЧР таковых оказалось 60%. Почти все изъявившие готовность помочь репатриантам согласились поделиться с ними вещами и продуктами, а больше половины — деньгами. Готовых предоставить жилье заметно меньше (что вполне естественно, учитывая общую ситуацию в этой сфере). Слабый отклик вызвал и вариант «Участие в работе общественных организаций», по-видимому, не очень понятный местным жителям (см. табл. 5). Стоит также отметить, что среди тех, кто не стал указывать конкретный вид помощи репатриантам, наиболее популярным был ответ: «Чем смогу, тем помогу».

Таблица 5 Распределение ответов местных жителей, изъявивших готовность помочь репатриантам, на вопрос о конкретных видах помощи, которую они согласны оказать

<i>Вид помощи</i>	<i>Доля выбравших данный вариант ответа (в %)</i>
Помощь продуктами и вещами	85
Денежные пожертвования	56
Предоставление жилья	18
Участие в работе общественных организаций	18

Что касается представлений местных жителей о дальнейшей судьбе переселенцев, то большинство полагает, что они должны остаться в КЧР. Следующий по популярности ответ: «Им лучше вернуться на родину». Крайне непопулярным оказался вариант «Остаться в России, но не в КЧР», а самым непопулярным — «Уехать на Запад» (см. табл. 6).

Таблица 6 Распределение ответов местных жителей на вопрос: «Какой Вы видите дальнейшую судьбу переселенцев?»

<i>Вариант ответа</i>	<i>Доля выбравших данный вариант ответа (в %)</i>
Остаться в КЧР	59
Вернуться на родину	34
Остаться в России, но не в КЧР	7
Уехать на Запад	3

Сами сирийские переселенцы в подавляющем большинстве ориентируются на жизнь в России, и их не привлекает идея возвращения в Сирию даже в случае урегулирования ситуации в стране, несмотря на то что у многих там остались родственники и друзья. При этом свои основные надежды они возлагают на российские власти, именно от которых, по их мнению, зависит решение проблем, связанных с условиями переселения репатриантов и их проживания на территории РФ:

«Этим должны заниматься российские власти, которые, например, могут принять новый закон по получению гражданства, приобретаемого по владению языком, по наличию корней у людей, которые просят гражданство... У нас есть корни в этом регионе, слава Богу... Проблема только в русском языке. Если бы это требование было более мягким, было бы проще» (мужчина, 55 лет, Хабез).

Заключение

Хотя из всех внешних акторов, участвующих в сирийском конфликте, Россия едва ли не наименее активно участвует в решении проблемы беженцев, эхо порожденного этим конфликтом миграционного кризиса затронуло и ее. Одним из его следствий стало возвращение во внутриполитическую повестку страны черкесского вопроса, прежде всего на региональном уровне.

После начала гражданской войны в Сирии в РФ стали переселяться черкесы — потомки адыгов, в свое время насильственно выселенных в Османскую империю. Большинство из них обосновалось на Северном Кавказе — в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Однако в ходе своего обустройства на новом месте они столкнулись с целым рядом проблем. В наиболее сложном положении оказались сирийские черкесы в КЧР, руководство которой, опасаясь изменения этнического баланса в республике и отражая умонастроения карачаевского большинства, не поощряет притока черкесских мигрантов. В результате, если в Адыгее и КБР репатрианты из Сирии получают поддержку республиканских властей, то в КЧР они могут рассчитывать только на меценатов и черкесское сообщество.

Проведенное исследование показало, что местные черкесы, несмотря на угрозу увеличения нагрузки на социально-экономическую сферу, склонны поддерживать сирийских переселенцев, рассматривая их как «своих». Главными проблемами, затрудняющими адаптацию последних к жизни в республике, является не неприятие со стороны принимающего сообщества, а сложности с оформлением документов и слабое знание русского языка.

Библиография

Баранов А.В. (2013) «Проблема репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: политико-конфликтологический аспект» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, № 2: 27—35.

Бэрзэдж Н. (1996) *Изгнание черкесов: Причины и последствия*. Майкоп: Б.и.

Гринин Л.Е., Л.М.Исаев и А.В.Коротаев. (2016) *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Московская редакция изд-ва «Учитель».

Гугов Р.Х., Х.А.Касумов и Д.В.Шабаев, сост. (2000) *Трагические последствия Кавказской войны для адыгов: Вторая половина XIX — начало XX в. Сборник документов и материалов*. Нальчик: Эль-Фа.

Захаров А. (2008) *Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме*. М.: Московская школа политических исследований.

«Заключение Института этнологии и антропологии РАН об этнониме Черкес и топониме Черкесия». (2010) // *NatPress*, 11.06. URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=5726> (проверено 4.12.2018).

Кумиков Т.Х., ред. (2001) *Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи, 20—70-е гг. XIX в.: Сборник архивных документов*. Т. 1. Нальчик: Эльбрус.

Кушхабиев А.В. (2012) «Конфликт в Сирии и черкесская диаспора» // *Азия и Африка сегодня*, № 7: 16—19.

Кушхабиев А.В. (2013) «Гражданская война в Сирии и черкесская диаспора» // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*, № 4: 160—167.

Кушхабиев А.В. (2015) «Проблемы репатриации и адаптации сирийских черкесов в республиках Северного Кавказа в 2013—2014 годах» // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*, № 4: 150—156.

Нефляшева Н. (2012) *Сирийские черкесы и проблема репатриации*. М: Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2012/09/13/gu-pub-49368> (проверено 15.09.2018).

Хотко С.Х. (2015) *Открытие Черкесии: Картографические источники XIV—XIX вв.* Майкоп: Полиграф-ЮГ.

Akbulat E.F. (2017) «Syrian Circassians in the Context of the Syrian Refugees' Issue: Nature of the Problem on the Basis of the International Community in Turkey and Russia and Suggested Solutions» // *Central European Journal of Politics*, vol. 3, no. 1: 1—25.

Balanovsky O. et al. (2011) «Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region» // *Molecular Biology and Evolution*, vol. 28, no. 10: 2905—2920.

Heisbourg F. (2015) «The Strategic Implications of the Syrian Refugee Crisis» // *Survival*, vol. 57, no. 6: 7—20.

Kapur D. (2014) «Political Effects of International Migration» // *Annual Review of Political Science*, vol. 17: 479—502.

Karpat K.H. (1985) *Ottoman Population 1830—1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison: University of Wisconsin Press.

Karpat K.H. (1990) «The Hijra from Russia and the Balkans: the Process of Self-definition in the Late Ottoman State» // Eickelman D.F. and J.Piscatori, eds. *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*. Los Angeles: University of California Press: 131—152.

Kurtynova-D'Herlughnan L. (2010) *The Tsar's Abolitionists: The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression*. Leiden: Brill.

Lopes T.F. (2013) *End Game or New Game to the Circassian Ethnonational Agenda*. URL: <http://strategicoutlook.org/caucasus/news-end-game-or-new-game-to-the-circassian-ethnonational-agenda.html> (accessed 26.10.2018).

Rosser-Owen S. (2007) *The First «Circassian Exodus» to the Ottoman Empire (1858—1867), and the Ottoman Response, Based on the Accounts of Contemporary British Observers*. Master thesis. London: University of London.

Shami S. (1998) «Circassian Encounters: The Self as Other and the Production of the Homeland in the North Caucasus» // *Development and Change*, vol. 29, no. 4: 617—646.

Zhemukhov S. (2012) «The Birth of Modern Circassian Nationalism» // *Nationalities Papers*, vol. 40, no. 4: 503—524.

E.A.Ivanov, L.M.Issaev, A.V.Korotayev, A.R.Shishkina
HOW SYRIAN CONFLICT
AND ITS MIGRATION CRISIS
ECHOED IN THE SOUTHERN REGIONS
OF RUSSIA
ON THE EXAMPLE OF KARACHAY-CHEKKESSIA

Evgeny A. Ivanov — Ph.D. Candidate at the National Research University *Higher School of Economics* (NRU HSE); Junior Research Fellow at the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, NRU HSE. Email: eivanov@hse.ru.

Leonid M. Issaev — Deputy Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University *Higher School of Economics*; Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: lisaev@hse.ru.

Andrey V. Korotayev — Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University *Higher School of Economics*; Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: akorotaev@hse.ru.

Alisa R. Shishkina — Junior Research Fellow at the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University *Higher School of Economics*; Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: ashishkina@hse.ru.

Abstract. Although, in comparison to other foreign parties to the Syrian conflict, Russia plays a very modest role in resolving the refugee crisis, the latter echoed in Russia as well. One of the consequences of this crisis is that it brought the Circassian issue back to the domestic political agenda in Russia — first and foremost, at the regional level.

After the start of the civil war in Syria the Circassians — descendants of the Adyghes who were forced to move to the Ottoman Empire in 19th century — began to migrate to Russia. Most of them settled in the Northern Caucasus — Adygea, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia. However, they faced a lot of problems, especially those Circassians who moved to Karachay-Cherkessia: its authorities do not favor an inflow of Circassian migrants because they fear a change in the balance of the ethnical forces in the region and reflect the attitudes of the Karachai majority. As a result, while in Adygea and Kabardino-Balkaria repatriates from Syria obtain support from the regional

authorities, in Karachay-Cherkessia they can rely only on the local philanthropists and the Circassian community.

The article is devoted to the analysis of the key factors that hamper Circassians' repatriation to Karachay-Cherkessia and impede their adaptation to living in the region. The empirical data come from the surveys of the citizens from the four Circassian villages with a significant number of repatriates as well as interviews with the Circassian migrants from Syria who settled in the region.

Keywords: Syrian conflict, migration, refugees, Syrian Circassians, Karachay-Cherkessia

References

Akbulat E.F. (2017) "Syrian Circassians in the Context of the Syrian Refugees' Issue: Nature of the Problem on the Basis of the International Community in Turkey and Russia and Suggested Solutions" // *Central European Journal of Politics*, vol. 3, no. 1: 1–25.

Balanovsky O. et al. (2011) "Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region" // *Molecular Biology and Evolution*, vol. 28, no. 10: 2905–2920.

Baranov A.V. (2013) "Problema repatriatsii sirijskikh cherkesov na rossijskij Kavkaz: politiko-konfliktologicheskij aspekt" [The Problem of Repatriation of Syrian Circassians to the Russian Caucasus: Political and Conflict Aspect] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], no. 2: 27–35. (In Russ.)

Berzedzh N. (1996) *Izgnanie cherkesov: Prichiny i posledstvija* [The Expulsion of the Circassians: Causes and Consequences]. Majkop. (In Russ.)

Grinin L.E., L.M.Isaev, and A.V.Korotaev. (2016) *Revoljutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East]. Moscow: Moskonskaja redaktsija izd-va "Uchitel". (In Russ.)

Gugov R.Kh., Kh.A.Kasumov, and D.V.Shabaev, eds. (2000) *Tragicheskie posledstvija Kavkazskoj vojny dlja adygov: Vtoraja polovina XIX — nachalo XX v. Sbornik dokumentov i materialov* [Tragic Consequences of the Caucasian War for Adygs: Second Half of the 19th — Beginning of 20th Century. Collection of Documents]. Nal'chik: El'-Fa. (In Russ.)

Heisbourg F. (2015) "The Strategic Implications of the Syrian Refugee Crisis" // *Survival*, vol. 57, no. 6: 7–20.

Kapur D. (2014) "Political Effects of International Migration" // *Annual Review of Political Science*, vol. 17: 479–502.

Karpat K.H. (1985) *Ottoman Population 1830–1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison: University of Wisconsin Press.

Karpat K.H. (1990) "The Hijra from Russia and the Balkans: the Process of Self-definition in the Late Ottoman State" // Eickelman D.F. and J.Piscatori, eds. *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*. Los Angeles: University of California Press: 131–152.

Khotko S.Kh (2015). *Otkrytie Cherkessii: Kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv.* [The Discovery of Cherkessia: Cartographic Sources of the 16th–19th Centuries]. Majkop: Poligraf-JuG. (In Russ.)

Kumikov T.Kh., ed. (2001) *Problemy Kavkazskoj vojny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoj imperii, 20—70-e gg. XIX v.: Sbornik arkhivnykh dokumentov* [The Caucasian War Problems and Eviction of Circassians to the Territory of the Ottoman Empire: Collection of Archival Documents]. Vol. 1. Nalchik: El'brus. (In Russ.)

Kurtynova-D'Herlugnan L. (2010) *The Tsar's Abolitionists: The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression*. Leiden: Brill.

Kushkhabiev A.V. (2012) “Konflikt v Sirii i cherkesskaja diaspora” [Conflict in Syria and Circassian Diaspora] // *Aziya i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], no. 7: 16—19. (In Russ.)

Kushkhabiev A.V. (2013) “Grazhdanskaja vojna v Sirii i cherkesskaja diaspora” [Civil War in Syria and Circassian Diaspora] // *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 4: 160—167. (In Russ.)

Kushkhabiev A.V. (2015) “Problemy repatriatsii i adaptatsii sirijskikh cherkesov v respublikakh Severnogo Kavkaza v 2013—2014 godakh” [Problems of Repatriation and Adaptation of Syrian Circassians in the Republics of North Caucasus in 2013—2014] // *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 4: 150—156. (In Russ.)

Lopes T.F. (2013) *End Game or New Game to the Circassian Ethnonational Agenda*. URL: <http://strategicoutlook.org/caucasus/news-end-game-or-new-game-to-the-circassian-ethnonational-agenda.html> (accessed 26.10.2018).

Nefljashaeva N. (2012) *Sirijskie cherkesy i problema repatriatsii* [Syrian Circassians and the Problem of Repatriation]. Moscow: Moskovskij tsentr Karnegi. URL: <http://carnegie.ru/2012/09/13/ru-pub-49368> (accessed 15.09.2018). (In Russ.)

Rosser-Owen S. (2007) *The First “Circassian Exodus” to the Ottoman Empire (1858—1867), and the Ottoman Response, Based on the Accounts of Contemporary British Observers*. Master thesis. London: University of London.

Shami S. (1998) “Circassian Encounters: The Self as Other and the Production of the Homeland in the North Caucasus” // *Development and Change*, vol. 29, no. 4: 617—646.

Zakharov A. (2008) *Unitarnaja federatsija: Pjat' etjudov o rossijskom federalizme* [Unitary Federation: Five Etudes on Russian Federalism]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

“Zakljuchenie Instituta etnologii i antropologii RAN ob etnonime Cherkesi i toponime Cherkessija” [On Ethnonym Circassian and Toponym Circassia: Institute of Ethnology and Anthropology RAS Opinion]. (2010) // *NatPress*, 11.06. URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=5726> (accessed 4.12.2018). (In Russ.)

Zhemukhov S. (2012) “The Birth of Modern Circassian Nationalism” // *Nationalities Papers*, vol. 40, no. 4: 503—524.